Отзыв
официального оппонента
о диссертации **Насуевой Аиды Магомедсаидовны**
«Динамика субъектной организации в лирике Александра Блока»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

В первую очередь хочется сказать: отрадно, что творчество Блока, вопреки его кажущейся изученности, по-прежнему привлекает молодых филологов. При этом они не просто повторяют и варьируют уже известные в блоковедении идеи, а находят новые, ранее не замеченные грани блоковского поэтического мира. Рецензируемая работа – убедительное тому подтверждение.

Как известно, символисты в начале XX в. начали активно экспериментировать с новыми субъектными формами не только в прозе, но и в поэзии. Однако если субъектная организация модернистской прозы изучается довольно активно, то лирика в этом аспекте привлекает к себе внимание исследователей гораздо реже. В данном контексте диссертация Аиды Насуевой своевременна, **актуальна** и способна в определенной степени восполнить этот исследовательский пробел.

Соискатель ставит задачу монографического описания эволюции лирики Блока в аспекте ее субъектной организации. Подобный подход обладает очевидной научной **новизной**: до сих пор эта тема затрагивалась лишь в единичных публикациях. Целостное же исследование субъектной структуры поэзии Блока от раннего к позднему периоду предпринимается в рецензируемой диссертации впервые.

Достоверность результатов исследования подтверждается корректным отбором материала и применением выбранных методов исследования.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, обеспечивается и подтверждается корректной постановкой цели и задач исследования и обоснованным применением современных и адекватных методов их решения, а также анализом широкого круга литературных источников, содержащих научные работы отечественных и зарубежных авторов по рассматриваемой проблеме.

Содержание автореферата и опубликованных статей соответствует основным положениям диссертации.

Во **Введении** автор диссертационного исследования определяется в научных походах и терминологическом аппарате. Отталкиваясь от традиционного для блоковедения тыняновского понятия «лирический герой», автор диссертации формулирует центральный тезис о том, что «лирический герой у Блока может скрываться за разными "субъектными" масками», т.е. «любая форма выражения авторского сознания может быть проявлением *лирического героя*» (с. 14). Данное утверждение последовательно и продуктивно раскрывается на протяжении всего диссертационного исследования.

Первая глава, посвященная формам выражения авторского сознания в лирике, является в основном теоретической по своему характеру.

В ней соискатель успешно разграничивает категории «биографического автора» и «автора-творца», убедительно доказывая их диалектическое единство, и поддерживает перспективную гипотезу о лирическом герое как особой модификации образа автора. Диссертант обосновывает тезис о том, что лирический герой может быть эксплицирован через любые формы выражения авторского сознания, что позволяет эффективно учитывать пересечение биографического и эстетического контекстов.

Кроме того, в главе прослеживается эволюция субъектных отношений в лирике и критически осмысляются ключевые концепции ведущих ученых, таких как Б. О. Корман, С. Н. Бройтман, В. Я. Малкина и Хенрике Шталь. Особого внимания заслуживает вывод исследователя о лирическом герое как о типологической категории, выражающей антиномичность авторской позиции в неклассической лирике.

В первой главе не только демонстрируется свободное владение терминологическим аппаратом, но и предлагается аргументированные решения сложных теоретических задач, связанных с субъектной организацией лирического высказывания.

Вторая глава «Ранняя лирика А. Блока и антиномичность лирического героя периода тезы» посвящена исследованию субъектной организации раннего творчества поэта и состоит из трех последовательно вытекающих друг из друга параграфов.

В **первом параграфе** соискатель убедительно исследует диалектику индивидуального и общего в лирической трилогии Блока, доказывая, что рецепция идей символизма изначально определила антиномичность поэтического мира автора. Основным достоинством этого параграфа является введение и обоснование категории симультанности как доминанты авторского сознания. Соискатель аргументированно показывает, как видение «всего и сразу» сочетается с временной последовательностью и приводит к

продуктивной корректировке традиционной стадиальной модели «пути» лирического героя Блока, утверждая за первым томом статус важнейшего прототекста.

Второй параграф логически развивает заявленные тезисы, демонстрируя реализацию принципа симультанности непосредственно в художественном пространстве первого тома. Исследователь тонко и, если так можно выразиться, деликатно анализирует пространственно-временную многомерность континуума, выделяя такие его модификации, как хронотоп переживания, а также медиативный, нулевой и интроспективный хронотопы, и убедительно доказывает их полифункциональность. Весьма продуктивным представляется и тезис автора о том, что «при рассмотрении хронотопа необходимо включить субъекта, поскольку в художественном произведении время-пространство не объективное, а субъективно воспринимаемое». Такой подход позволяет по-новому взглянуть на взаимоотношения лирического субъекта и окружающего его мира, что и продемонстрировано рядом примеров в этом разделе работы. Соискатель справедливо утверждает, что пространство первого тома имеет двуплановую структуру, обусловленную взаимозависимыми отношениями лирического субъекта и окружающего его мира, в целом ускользающего и нестабильного. Это влечет за собой амбивалентность переживаний лирического героя (его скептицизм или веру по отношению к идеалу, двойственность видения будущего и прошлого) и, в свою очередь, формирует их неоднозначность.

К удачным моментам работы можно отнести убедительное опровержение часто встречающейся в литературоведении трактовки первого тома Блока как бесконфликтного («райского») топоса, в котором лирический герой занят исключительно поисками идеала. В противовес такому подходу в рецензируемой работе наглядно продемонстрировано, что ранняя лирика поэта изначально противоречива, зыбка и политональна, а амбивалентность переживаний ставит героя в ситуацию «на распутья», усложняя сознание субъекта речи. Центром хронотопа первого тома признается сакральное место эпифании – явления героини, имеющей метафизическую природу, однако не менее важной оказывается и периферия хронотопа, к которой отнесены расщепленность субъекта, мотивы сомнения, разочарования, а также ощущение присутствия демонического начала не только в самом лирическом герое, но и в женском персонаже «Стихов о Прекрасной Даме».

В заключительном, **третьем параграфе** первой главы автор анализирует типы субъектных модификаций лирнческого героя в первом томе лирики Блока. В этот перечень вошли внесубъектные формы, ролевой герой и фигура двойника. Особую ценность представляет прослеженная автором динамика

образа двойника от эксплицитного противостояния к постепенной конвергенции «Я» и «Другого», приводящей к определенной драматизации блоковского хронотопа и верифицирует внутреннюю расщепленность героя. Итоговый вывод главы о том, что антиномичность лирического восприятия Блока манифестируется уже на раннем этапе, а герой «Стихов о Прекрасной Даме» закономерно эволюционирует в сторону «большого», разомкнутого мира, представляется убедительным и обоснованным.

Третья глава «Модификации "Я" в зрелой лирике А. Блока: расширение границ субъектности» посвящена исследованию трансформаций авторского сознания во втором томе блоковской трилогии, который является наиболее интересным в его творческой эволюции, поскольку именно в ием поэт много экспериментирует с поэтической формой. Представляется, что именно эта глава является смысловым центром всего диссертационного исследования, являясь наиболее зрелой и выполненной на высоком филологическом уровне.

Если в главе, посвященной ранней лирике Блока, автор диссертации намечал подходы к раскрытию заявленной темы, то в третьей главе исследователь строго придерживается принципа диахронии, что представляется методологически более обоснованным. В предыдущей главе данный принцип был выдержан не вполне последовательно: там без жесткого разграничения хронологической последовательности на равных правах аналнзируются стихотворения из циклов «Ante lucem» и «Стихи о Прекрасной Даме», хотя эти тексты представляют совершенно разные этапы развития авторского сознания. К сожалению, исследователь практически не проводит между ними сущностного различия, упуская из виду, что ценностное наполнение компонентов второго плана в хронотопе – факторов, находящихся за пределами эмпирического настоящего времени и пространства, – в этих пластах принципиально разное, и в «Ante lucem» оно еще не соотнесено с магистральным содержанием «Стихов о Прекрасной Даме». На этом фоне главным достоинством третьей главы становится детальное прослеживание того, как внутрениий конфликт периода «тезы» перерастает в зрелом творчестве Блока в принципиально новые способы художественного выражения, центрированные вокруг расширения границ субъектности «Я» через диалектическое приобщение к «Другому».

В **первом параграфе** третьей главы соискатель глубоко исследует феномен «пантеистического» субъекта на материале цикла «Пузыри земли». Автор работы убедительно доказывает, что выход за пределы традиционного «Я» осуществляется через растворенне лирического героя в природной «стихии» и ее одновременную экстериоризацию, когда окружающий мир

наделяется субъектными свойствами. Т.е., по мнению диссертантки, в цикле происходит целенаправленное размывание границ субъектности.

Хочется особо выделить прекрасный разбор стихотворения «На перекрестке…» (с. 103-106), результатом которого стал вывод о пантеизме – «океаническом чувстве» субъекта, сливающемся в своем ощущении с окружающим миром. Замечательно, что к этому выводу соискателя подводит не традиционный образно-мотивный анализ, а наблюдение именно за субъектной организацией.

Второй параграф третьей главы содержит тонкий и новаторский анализ субъект-объектных отношений в «Снежной маске». Заслуживаст безусловного одобрения стремление автора скорректировать устоявшуюся в блоковедении концепцию о жесткой антитетичности персонажей цикла и пассивности лирического героя. Продемонстрированная в работе категория «интерсубъективности» – взаимного проникновения и зеркальности характеристик «Я» и «Ты» – позволяет автору трактовать борьбу со стихией как внутренний конфликт двух начал сознания единого субъекта. Отчасти парадоксальный, но текстуально выверенный вывод о минимальной вовлеченности фокуса внимания героини при сохранении ее субъектности свидетельствует о глубоком понимании исследователем сложной архитектоники блоковского стиха.

Следует отметить, что субъектный подход доказал свою эффективность при разборе цикла «Снежная маска» — одиого из самых сложных для интерпретацни в творчестве Блока. В свое время В. М. Жирмунский предложил его образно-мотивный анализ, и долгое время исследователи двигались исключительно в этом русле. Однако данный метод оставлял в тени специфику взаимоотношений лирического героя и героини. Аида Насуева, опираясь на методологию З. Г. Минц, сместила исследовательский ракурс. Проделанный ею субъектный анализ, не претендуя на исчерпывающую полноту, наглядно демонстрирует продуктивность такого подхода.

В **третьем параграфе** сонскатель аргументированно подвергает сомнению традиционный взгляд на цикл «Вольные мысли» как на однозначный поворот Блока к реализму. Важным представляется тезис о доминировании субъективной оптики романтического «Я», трансформирующей реальность. Автор наглядно показывает, что лирический герой не столько объективно описывает эмпирическую среду, сколько дистанцируется и возвышается над ней. Утверждение оригинальной субъективности, заслоняющей бытовой контекст, ставит убедительную точку в анализе лирики второго тома.

Четвертая глава называется «Синтезирующая и дифференцирующая тенденции в третьем томе лирики А. Блока». В ней убедительно продемонстрирована сложная, амбивалентная структура третьего тома лирической трилогии Блока, в рамках которой симультанно сосуществуют интеграционные и дифференцирующие доминанты авторского сознания. Особого одобрения заслуживает выбранная соискателем стратегия анализа: отказ от следования авторской последовательности циклов в пользу хронологического принципа рассмотрения поэтических текстов позволил наглядно продемонстрировать диалектику отношений автора и его лирического героя, а также аргументированно опровергнуть упрощенную трактовку «пути» Блока как сугубо позитивного и однозначного итога его авторской рефлексии.

Синтезирующие тенденции показаны на материале циклов «На поле Куликовом» и «Итальянские стихи». Соискатель описывает феномен неосинкретического субъекта, в котором индивидуальное «Я» гармонично соотносится с историко-культурным контекстом. Ценным представляется вывод о том, что данная позиция всегда репрезентирована как глубокое внутреннее переживание автора: это лишает тексты стилизаторской условности и создает эффект живого присутствия. Оригинальный анализ «удвоения образа художника» в «Итальянских стихах» наглядно доказывает высокую степень интенциональности творческой стратегии Блока.

Второй параграф четвертой главы посвящен исследованию *дифференцирующей* тенденции на примере цикла «Жизнь моего приятеля» из раздела «Страшный мир» третьего тома.

Научную новизну разделу придает тонкое исследование феномена отчужденного «Я» сквозь призму аутоскопического видения и модальности субъектной недостоверности. Автор убедительно показывает, что в зрелом творчестве Блока происходит трагическое принятие «теневой» стороны личностн, что подтверждает константность внутренней расщепленности героя, зародившейся еще на ранних этапах.

В **третьем параграфе** сонскатель предлагает интерпретацию завершающего блоковскую трилогию цикла «О чем поет ветер», рассматривая его как закономерную итоговую точку субъектной эволюции. Исследователь выявляет мотивные связи цикла с «началом» и «концом» блоковской поэзии, определяя специфику его организацни через ситуацию лакунарного диалога с «очеловеченным» и близким Другим. Анализ трансформации женского образа в уязвимого, но понимающего «милого друга» позволяет автору точно охарактеризовать этот сложный экзистенциальный пласт лирики. Финальный вывод о том, что сквозь призму усталости герой обретает возможность

подлинной встречи, возвращающей его в границы индивидуального сознания, логически завершает исследование.

Признавая несомненные достоинства рецензируемой работы, хочется указать на некоторые *дискуссионные положения.*

Высказываемые сомнения касаются прежде всего использования понятия «лирическая героиня». Соискатель активно применяет данный термин по отношению к женскому персонажу блоковской лирики. Между тем традиционно «лирическая героиня» – это категория, обозначающая субъектную форму «Я»-персонажа в тех случаях, когда автором произведения выступает женщина-поэт. Представляется, что употребление этого понятия в мужской лирике допустимо лишь тогда, когда женский образ наделен ролевой функцией (то есть поэт-мужчина создает текст от лица женщины). В тексте диссертационного исследования логику подобного наименования женского персонажа мне обнаружить не удалось: женский персонаж и в субъектно-объектной форме «Ты», и в объективированной форме «Она» без какого-либо терминологического различия именуется лирической героиней. В ходе защиты хотелось бы услышать пояснения об основаниях подобной номинации. Блоковская героиня, при всей ее сопричастности сознанию лирического героя, в большинстве текстов остается все же самодостаточным образом-объектом лирического высказывания. То есть, у Блока данный персонаж имеет выраженный объектный статус, тогда как понятие «лирическая героиня» традиционно служит для обозначения именно субъектности персонажа.

Второй дискуссионный момент также связан с интерпретацией женского образа. Безусловно, магистральное внимание диссертантки сосредоточено на лирическом герое и трансформациях субъектных форм выражения его сознания. Тем не меиее женский персонаж блоковской поэзии, обладающий высокой степенью нюансированности, также требует к себе пристального исследовательского внимания. Известно, что этот образ с развитием лирики Блока видоизменяется: предстает в различных, динамически сменяющих друг друга ипостасях. В исследовании же Аиды Насуевой женский персонаж во многом предстает статичным, что вступает в противоречие с поэтическими представлениями самого Блока. Так, на с. 109 диссертации утверждается: «Она и в этом „ржавом мире“ остается опорой для осуществления субъектности лирического героя. Лирический герой несколько отделяется от пантеистического мира „болот“, но обретает он себя через слияние с той, которая „в поля отошла без возврата“...» С подобной трактовкой трудно согласиться в полной мере. В стихотворении «Белый конь чуть ступает усталой ногой», к анализу которого обращается соискатель, слияние

лирического героя с женским «Ты»-образом происходит в тот момент, когда героиня воплощает собой ипостась Мировой души. Поэтому в данном контексте блоковский герой вовсе не обособляется от пантеистического мира, а, напротив, окончательно растворяется в нем, соединяясь с его метафизической сущностью – Мировой душой природного универсума.

В порядке научной полемики хотелось бы обратить внимание на интерпретацию стихотворения «Над озером» на с. 137. Соискатель пишет: «Неслучайно здесь возникает образ шиллеровской Теклы; в реальности она оборачивается “Феклой”...». Представляется, что субъектная логика Блока здесь несколько сложнее. Возвышенный, романтический образ Теклы не возникает сам по себе: его конструирует в своем сознании лирический субъект, наблюдающий за одинокой девушкой у озера. Соответственно, когда к ней подходит офицер, не девушка «оборачивается» простонародной Феклой – а опять-таки лирический субъект в своем сознании развенчивает свой же идеал, деромантизируя образ девушки, отправившейся с офицером на дачу. Предложенный автором анализ выиграл бы, если бы в нем был отражен этот важный для Блока механизм романтической идеализации и деромантизации образа: поэт исследует сам процесс романтической идеализации и последующего развенчания, тогда как реальная героиня изначально не причастна ни к одному из этих ментальных полюсов. Неслучайно стихотворение «Над озером» написано в 1907 году — после «Незнакомки» (1906), в которой Блок в полной мере осознал, что возвышенный образ Незнакомки является свойством его собственного поэтического сознания, а не объективной действительности. Впрочем, итоговый вывод автора по этому стихотворению вполне точен: «святыни и не было – это ирония без объекта, вместо идеала изначально была “пустота”, которую лирический герой наполнил собственным содержанием» (с. 138).

Наряду с этим представляется продуктивным расширение интертекстуального контекста работы. На с. 114–115 цикл «Снежная маска» убедительно рассматривается сквозь призму архетипического сюжета о Пигмалионе и Галатее, с которым автор связывает мотив пленения героини. Однако в той группе стихотворений, где полюс активности смещается в сторону «Ты», обнаруживает себя иной важный претекст – сказка Х. К. Андерсена «Ледяная дева». Представляется, что указание на этот источник существенно обогатило бы исследование. Это тем более важно, что Андерсен в своей сказке активно экспериментирует с нарративом, меняя субъекта повествования по ходу развития действия, что напрямую соотносится с центральной проблемой рецензируемой диссертации.

Среди частных замечаний: на с. 112, 119 имя Н.Н. Волохова выглядит как В.Н. Волохова (видимо, скрестились две актрисы театра Комиссаржевской – Валентина Веригина с Натальей Николаевной Волоховой).

Еще раз хочется подчеркнуть, что большая часть высказанных замечаний носит дискуссионный и рекомендательный характер и не влияет на общую высокую оценку рецензируемого исследования.

В целом диссертация демонстрирует методологическую зрелость соискателя, существенно обогащает научные представления об эволюции субъектных форм лирики Блока. Предложенная автором концепция отличается научной смелостью и убедительной аргументацией.

Все это безусловно свидетельствует о том, что диссертация Насуевой Аиды Магомедсаидовны «Динамика субъектной организации в лирике Александра Блока» выполнена в соответствии с требованиями п. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор, Аида Магомедсаидовна Насуева, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

19.10.2026

доктор филол. наук
ведущий научный сотрудник
Отдела новейшей русской литературы
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Т.В. Игошева

СВЕДЕНИЯ ОБ ОФИЦИАЛЬНОМ ОППОНЕНТЕ

по диссертации Насуевой Аиды Магомедсаидовны на тему: «Динамика субъектной организации в лирике Александра Блока» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 — Русская литература и литературы народов РФ.

ФИО оппонента (полностью)	Игошева Татьяна Васильевна
Гражданство	Российская Федерация
Ученая степень (с указанием шифра специальности научных работников, по которой защищена диссертация)	Доктор филологических наук (10.01.01 — русская литература)
Ученое звание	Профессор
Место работы	
Полное наименование организации в соответствии с уставом	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
Наименование структурного подразделения	Отдел новейшей русской литературы
Должность	Ведущий научный сотрудник
Почтовый адрес	199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Официальный сайт	https://pushkinskijdom.ru
Контактный телефон	+7 (812) 328-19-01
E-mail	tigosheva@mail.ru
Дополнительные сведения	-

Список основных публикаций за последние 5 лет по теме диссертации соискателя:

1. Игошева Т. В. «Хоровая» филологическая рефлексия (Новое о Вячеславе Иванове) // Русская литература. 2026. № 1. С. 246–249. – DOI 10.31860/0131-6095-2026-1-246-249. ВАК
2. Игошева Т. В. Вл. В. Гиппиус в театральном отделе Наркомпроса и Петросовета // Русская литература. 2026. № 2. С. 136–156. – DOI 10.31860/0161-6095-2026-2-136-156. – ВАК
3. Игошева Т. В. Поэтология Владимира Гиппиуса в поэме «Лик человеческий» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2025. № 3. С. 84–89. – DOI 10.46418/2079-8202_2025_3_11. – ВАК
4. Игошева Т. В. Субъект речи как ненадежный рассказчик в лирике А. А. Блока // Филологический класс. 2025. Т. 30, № 1. С. 94–101. – DOI 10.26170/2071-2405-2025-30-1-94-101. – ВАК
5. Игошева Т. В. Феноменология Владимира Гиппиуса в поэме «Лик человеческий» // Словесность и история. 2025. № 4. С. 185–203. – DOI 10.31860/2712-7591-2025-4-185-203. – ВАК.
6. Игошева Т. В. Роман М. Зенкевича "Мужицкий сфинкс": между архаикой и модерном // Русский модернизм: Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст. СПб: ООО «АРТ БУК», 2022. С. 199–220.
7. Игошева Т. В. О жанровой природе стихотворения К. Бальмонта "Я буду ждать тебя мучительно..." // Чужое: мое сокровище!: Сборник статей памяти В. А. Кошелева. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2022. С. 336-345. – DOI 10.34680/978-5-89896-780-2/2022.memory.27. Игошева Т. В. Еще раз об А. Ахматовой и М. Зенкевиче // Анна Ахматова (1889–1966). М.: Азбуковник, 2021. С. 96-107. – DOI 1031860/978-5-91172-216-6-96-107.
8. Игошева Т. В. Две души: мифологема души в статье А. Блока "Душа писателя" и стихотворении в прозе И. Ф. Анненского "Моя душа" // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6(39). С. 712–716. – DOI 10.34680/2411-7951.2021.6(39).712-716. – ВАК

9. Игошева, Т. В. О последних днях и смерти В. Хлебникова по малоизвестным и забытым источникам // Литературный архив советской эпохи: Сборнк статей и публикаций. Том Книга 2. СПб: Издательство "Росток", 2020. С. 49–61. – EDN URJOMN.

Подпись Игошева Т. В.

Печать

ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом)
199034, г. Санкт-Петербург наб. Макарова д.4
Подпись
УДОСТОВЕРЯЮ
Главный специалист по кадрам Е.А. Сукач
«26» 10 2026 г.